

ISSN: 2078-1296

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2078-1296

Has been issued since 2003.

History and Historians in the Context of the Time

UDC 94/47

Culture of Reading in Everyday Life of South-Russian Peasantry in 1920s

Susanna D. Bagdasaryan

Sochi State University, Russian Federation

PhD (History), Assistant Professor

E-mail: BSD73@mail.ru

Abstract. The paper considers the aspects of state Soviet policy of new peasant everyday culture, based on the development of book culture in terms of war against illiteracy of rural population of the south of Russia, analyses the means and ways of cultural revolution events execution in rural society, results of state policy of new Soviet society development.

Keywords: Soviet culture; cultural revolution; elimination of illiteracy; everyday life; leisure; book revelation.

Введение. Повседневная культура крестьянства основывалась на традиционных формах патриархального уклада быта, досуга, праздников, несла в себе соблюдение обычаев, культурных парадигм этнической принадлежности. Неорганическая модернизация 1917–1920-х годов ворвалась в крестьянский мир крушением религиозных устоев, новой идеологией повседневности, изменением социальных статусов и социальных ролей, которые в общинном крестьянском укладе имели глубокие, исконные корни.

Книжная революция – это коренной переворот крестьянского мира. Советская пресса тех лет отмечала: «рядом с религиозностью, верой в колдовство и старую обрядность», возникали и распространялись «новые своеобразные формы быта» [1]. Очевидно, это и результат последовательных мероприятий советской власти, но и стремления самого сельского социума к модернизации повседневной жизни, неотъемлемым компонентом которой являлись способы праздного времяпрепровождения [2]. Этот компонент позволяет нам исследовать особенности новаций в досуге сельских жителей Дона, Кубани, Ставрополья в 1920-х гг.

Материалы и методы. Основой статьи послужил различный источниковедческий материал: нарративные источники, периодическая печать, архивные, статистические и нормативно-правовые материалы 1917–1920-х годов. Историческая ретроспектива позволяет произвести анализ процессов культурной модернизации крестьянского традиционного социума в условиях формирования советского мира. С этой целью применялись методы: сравнительно-исторический, статистический, логический и многие другие.

Обсуждение. Развитие культуры чтения стала идеологическим основанием построения советской властью наполнения повседневности рабочего и крестьянина. Несомненно, книга как элемент сельского досуга не являлась изобретением советской власти. Исторический вклад советского государства в борьбе с неграмотностью и целенаправленным насаждением культуры чтения и в городе, и в деревне невозможно умалить, особенно в условиях низкого благосостояния населения, потребностей в новых формах времяпровождения.

Формирование системы народного образования стало основанием эффективности мер по преодолению неграмотности в доколхозных селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополья. От этого напрямую зависело развитие культуры чтения книг, периодических изданий в сельском досуге на Юге России.

Нормативно-правовым основанием послужил декрет Совета Народных комиссаров «О ликвидации безграмотности в РСФСР» от 26 декабря 1919 г. Советская статистика отчитывалась к 1927 г., что в целом по РСФСР прошли обучение в системе ликбеза и получили азы образования около 6 млн человек [3]. Борьба с безграмотностью стала немаловажным фактором политической компани советской власти. Подтверждением служит письмо от 20 января 1921 г. В.И. Ленина к рабочим, служащим и коммунистам станции Пролетарская Владикавказской железной дороги, в котором вождь РКП(б), поблагодарив коллектив станции за присланное «трудящимся города Москвы» продовольствие, рекомендовал «...обратить большее внимание на культурно-просветительное и школьное дело» [4].

Программа борьбы с неграмотностью населения в сельской местности, в основе своей глубоко патриархальной и традиционной в своих взглядах становилась социально-политической задачей государственной власти по формированию последующих основ социалистических преобразований: «социализм невозможен без подъема культуры населения... Основная цель культурной революции – выработка социалистического сознания, воспитание человека новой эпохи» [5].

Программные установки по борьбе с неграмотностью стали необходимой предпосылкой для распространения в сельском социуме такой формы досуга, как чтение периодики и литературы. Советская пропагандистская машина рассматривала появление в деревнях, селах и хуторах периодических изданий, как средство политико-идеологической борьбы по укреплению нового режима. Показательно, что руководство Юго-Восточного края в циркулярном письме от 30 мая 1921 г., посвященном борьбе с бандитизмом, требовало от всех областных и губернских комитетов компартии: «пустите в деревню максимум газет, листовок и плакатов» [6] с целью повышения эффективности пропагандистской работы. В относительно спокойные годы нэпа печать по-прежнему понималась большевиками, прежде всего как средство агитации и пропаганды, нацеленное на политическое воспитание населения, в том числе и крестьян (как говорили по этому поводу члены Терского окружкома ВКП(б) весной 1926 г., «крестьянин политически вырос, он читает газету...» [7]). С другой стороны, периодика и литература могли быть политически действенны только в социуме с достаточно высоким уровнем образования, ибо «неграмотный человек находится вне политики» [8]. В итоге, борьба с неграмотностью и снабжение деревни печатной продукцией превращались во взаимообусловленные процессы.

В годы Гражданской войны и в условиях перехода к нэпу советская печать испытывала вполне понятные трудности, что соответствующим образом сказывалось как на количестве, так и на качестве периодики и литературы. В 1921 г. даже центральные периодические издания, – газеты «Правда» и «Известия», – имели тираж не более 600 тыс. экземпляров [9]. В этих условиях тираж издававшейся в Ставрополе в 1920 г. газеты «Серп и молот», – от 300 до 1 тыс. экземпляров, – кажется довольно солидным [10].

В период нэпа советская полиграфия получила возможности для развития, что привело к увеличению тиражей и наименований изданий. В 1925 г. в СССР насчитывалось 1 120 газет и 1 749 журналов, совокупный тираж которых в три раза превышал тираж периодических изданий в России в 1913 г. [11] Возросли и поступления периодики в деревню. Однако, крестьяне, даже будучи грамотными, зачастую не особенно торопились становиться подписчиками периодических изданий по причине склонности экономить «трудовую копейку». Случавшиеся иногда таинственные исчезновения денег, сданных при коллективной подписке какому-нибудь уполномоченному, также расхолаживали деревенских энтузиастов-библиофилов [12].

Численность сельских жителей, стабильно выписывавших газеты и журналы, была невелика. Так, на проходившем в первой половине февраля 1924 г. совещании секретарей сельских ячеек компартии Донецкого округа Юго-Восточного края представитель ячейки села Маньково Леоно-Калитвенского района по фамилии Плонида рассказывал, что в их сельсовете выписывается 300 экземпляров газет [13]. В среднем, в типичном сельском совете

на Юге России проживало в данное время 2–3 тыс. человек [14]. так что озвученные Плонидой цифры представляются относительно небольшими, но точно отражающими повсеместно наблюдавшуюся ситуацию с подписной активностью крестьянства.

Ведущими подписчиками на периодику в 1920-х гг. выступали не сельские жители, а избы-читальни, клубы, народные дома. Как правило, перечень газет и журналов в указанных учреждениях не был кратким. Например, в конце 1924 г. члены Донского окружного комитета РКП(б) Северо-Кавказского края утверждали, что «почти каждая изба-читальня выписывает газеты: «Советский Юг», «Молот», «Советский Пахарь», «Комсомолец», «Правда», «Извести[я]», «Беднота», «Труд», «Крестьянская газета» и друг[ие]. Журналы: «Крестьянка», «Красная Нива», «Смена», «Крокодил», «Безбожник», «Искра» и друг[ие].» [15]

В ряде случаев, периодика для советских земледельцев выписывали шефские организации, которые выполняли поставленную перед ними задачу просвещения и политико-идеологического воспитания жителей села. В частности, в сентябре 1924 г. в газете «Молот» сообщалось, что клуб шерстомойки № 1 в станице Невинномысской (одноименный район Юго-Восточного края) в течение полугода выписывал для местных крестьян «большое количество газет и журналов» [16].

Немаловажным фактором, тормозившим активность, сельских подписчиков (в том числе, южно-российских) становились деятельности советской почты образца 1920-х гг. В рассматриваемый период стационарные почтовые отделения действовали в основном в тех сельских населенных пунктах, где была высокая численность жителей и необходимые материальные средства для их функционирования. По той же причине, штаты существующих почтовых отделений были минимальны: зачастую на почте работали лишь заведующий и почтальон (либо, и вовсе, только заведующий), которые не имели возможности вовремя доставлять периодику и корреспонденцию многочисленной клиентуре.

Выход из положения изыскивался путем сотрудничества почт и местной администрации. Как правило, председатели сельских и станичных советов направляли на почту дежурных по сельсовету или просто односельчан, чтобы те привезли в село печатную продукцию и корреспонденцию. Кроме того, в 1924 г. в СССР была организована так называемая кольцевая почта. Обязанности ее сотрудников заключались в систематическом объезде сельских населенных пунктов, не имевших стационарных почтовых отделений, чтобы снабжать таковые периодикой, привозить письма и на месте принимать корреспонденцию к отправлению. Дополнительные меры были предложены в октябре 1924 г. сотрудниками Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции (НК-РКИ), которые считали необходимым создать при редакциях крупнейших газет почтовые отделения для непосредственной сортировки и транспортировки газет к подписчикам, без завоза таковых на местные почты, «где они по техническим обстоятельствам часто залеживаются» [17].

Все эти меры, однако, имели ограниченный эффект: позволяя наладить доставку почтовых отправлений к получателям, они не решали проблему запаздывания этих отправлений. Сельская администрация не могла часто гонять крестьян на почтовые отделения (нередко, располагавшиеся во многих километрах от села), а малочисленность сотрудников кольцевой почты препятствовала им вовремя доставлять газеты и письма по назначению. В источниках часто встречаются жалобы и крестьян, и сельских коммунистов, и представителей власти на, так сказать, «несвежесть» прессы, доходившей до деревни значительно позже даты издания [18]. Снизить остроту этой проблемы (но, не полностью ее преодолеть) удалось только к исходу 1920-х гг., когда в сельской местности существенно расширилась сеть стационарных почтовых отделений и возросла численность почтальонов и писмоносцев (в южно-российском варианте, – почтарей, почтарок) [19]. Это благотворно сказалось и на подписной активности крестьян.

Помимо периодики, в советскую доколхозную деревню хлынул и широкий поток литературы. Тиражи книг и разнообразие их наименований в Советском Союзе заметно превышали дореволюционные показатели. Если, например, в 1913 г. в России насчитывалось 26 343 наименования печатной продукции «(книг, брошюр, нот,

справочников и др.)», то в 1924 г. – 29 131 наименование, в 1926 г. – уже 36 680 наименований [20].

Литература, предназначенная специально для крестьян, составляла весомую долю продукции советских типографий. В частности, в 1925 г. в РСФСР было выпущено около 1 400 наименований «разных крестьянских книг» совокупным тиражом 40 млн экземпляров [21]. В 1926 г. в СССР было издано 24 772 наименования книг и брошюр. Поскольку Советский Союз отличался наличием разветвленного бюрократического аппарата, первое место среди всех этих книг и брошюр занимали различные ведомственные издания общей численностью 3 742 наименования; на втором месте находилась научная и специальная литература (3 078 наименований), на третьем – разнообразные пособия и материалы для «практических работников разных специальностей» (2 904 наименования). Четвертое место принадлежало «крестьянской массовой литературе» – 2 108 наименований [22]. Как видим, предназначенная для сельских жителей РСФСР и СССР литература отличалась немалой численностью и позитивной динамикой ее издания на протяжении разных лет.

Наибольший интерес у крестьян вызывала сельскохозяйственная прикладная литература, что было естественно, учитывая присущий сельским труженикам прагматизм. В журнале «Новая деревня» нередко помещались отклики земледельцев на полюбившиеся им книги, и практически всегда они указывали в числе своих предпочтений только специальные издания по ведению полеводства, животноводства и т.п.: «Как пасти скот в лесу» П.А. Соколова, «Рыбачья памятка» К. Александрова, «Головня и как от нее уберечься» Согрианского, «Борьба с пожарами в деревне» М. Роги, «Коневодство» Кулешова, «Борьба с вредителями в засушливом районе» Щербиновского и т.д. [23]

Помимо сельхозлитературы, для деревенских читателей печаталось «также много книг – рассказов, романов, стихов, песенников – прежних и новых писателей» [24]. При этом, издательства учитывали малограмотность большинства крестьян, соответствующим образом оформляя книги. Для тех сельских (да, собственно, и городских) жителей, которые читали с трудом, – а таких было отнюдь не мало в рассматриваемый период времени, – издавались небольшие книги, в пределах 16 страниц, напечатанные «крупными буквами, самыми простыми словами, на каждой странице – рисунок». Для людей с более высоким уровнем общей грамотности книги печатались «обыкновенными не очень крупными буквами, но простым, понятным языком» [25]. Добавим, что в ряде издательств («Новая деревня», «Государственное издательство») практиковались ознакомительные, для приглашенных крестьян, чтения предназначенных к печати книг. Это делалось для того, «чтобы посмотреть, что они (крестьяне – *авт.*) скажут и понятно ли книжка написана» [26]ю

Снабжение сел и станиц Юга России литературой велось в разных формах. Эпизодические поставки в деревню книг и периодики осуществляли все те же шефы, либо просто городские рабочие, считавшие делом чести крепить «смычку» и выполнять священный пролетарский долг по просвещению «темного» крестьянства. Например, когда в августе 1924 г. сотрудник пожарной части Нахичевани-на-Дону Жуков уезжал в отпуск в родные края, он обратился в существовавшую при части комиссию по культуре с просьбой дать ему «старых газет, журналов и книжной литературы для распространения среди крестьян деревни Глафировки». Комиссия ответила на просьбу пожарного «выделением кой-какой литературы: по общественным, медицинским и политическим вопросам. Между книгами были также и биографические очерки о тов. Ленине» [27]. Так полезная и, главное, идеологически правильная литература отправилась к крестьянам.

Основной же массив литературы направлялся в советскую доколхозную деревню (в том числе, в села и станицы Дон, Кубани, Ставрополья) централизованно, через систему органов политпросвета, и был предназначен для библиотек, изб-читален, клубов, других подобных учреждений. Так, члены Донского окружкома РКП(б) Северо-Кавказского края в конце 1924 г. констатировали, что для городских и сельских библиотек окружными органами политпросвещения только с мая по октябрь текущего года было закуплено 63 200 книг, а также дополнительно получено от Главполитпросвета 17 650 экземпляров [28].

Что касается продажи книг крестьянам, то применительно к рассматриваемому периоду времени данный метод насыщения деревни литературой никак нельзя было назвать ни ведущим, ни даже значимым. В деревне насчитывалось не так уж и много

желающих покупать книги, как того можно было ожидать по итогам грандиозной по своим масштабам борьбы с неграмотностью. Знакомые с сельским бытом и крестьянской психологией современники бесхитростно свидетельствовали, что «крестьянство – привыкшее получать из библиотеки и избы-читальни книгу для чтения бесплатно, бывает недоволено, когда нужную книгу ему бесплатно выдать не могут, так как ее иногда в библиотеке и избе-читальне нет, а могут только продать» [29].

Отчасти, апатичное отношение множества земледельцев к покупке литературы объяснялось вышеупомянутой прижимистостью. Стремясь снять отмеченное препятствие распространению книг в деревне, представители партийно-советского руководства прикладывали усилия к удешевлению продукции советских издательств: ведь, теоретически, чем дешевле была книга, тем с большей готовностью крестьяне должны были ее купить.

С этой целью, в резолюции «О культурной работе в деревне», принятой на состоявшемся 23–31 мая 1924 г. XIII съезде РКП(б), указывалось: «необходимо снабжение изб-читален книгами и газетами по себестоимости; необходима их бесплатная пересылка» [30]. Дабы выполнить это указание, Госиздат и Народный комиссариат почт и телеграфов СССР (НКПТ или Наркомпочтель) образовали акционерное общество «Книга – деревне». Смысл деятельности общества заключался в том, чтобы реализовывать литературу в деревне в обход посреднических торговых организаций и частных перекупщиков, через сеть почтовых отделений и по издательским ценам. Такой порядок реализации должен был удешевить литературу и сделать ее стоимость не столь отталкивающей для жителей села.

Как отмечалось в прессе, уже в первой половине 1925 г. общество «Книга – деревне» создало в сельской местности Советского Союза тысячи пунктов реализации литературы, а к осени того же года ожидалось создание около 20 тыс. таких пунктов. «По РСФСР, на Украине, в Белоруссии, в Крыму, на Кавказе», констатировали современники, «все стационарные почтовые конторы снабжены хорошим подбором дешевой, полезной крестьянской книги и по глухим деревенским местам почтовик-кольцевик развозит книжку и передает ее в руки крестьянина» [31].

Безусловно, деятельность общества «Книга – деревне», как и другие похожие мероприятия партийно-советских органов по удешевлению предназначенной для крестьян печатной продукции, оказала определенное воздействие на повышение книжных продаж в деревне. Однако, радикально изменить сложившуюся ситуацию такие меры не могли, потому что относительная дороговизна книг не являлась единственной причиной нежелания крестьян их покупать.

Необходимо принять во внимание тот факт, что в 1920-х гг. для весьма и весьма многих жителей села, а также и горожан, книга не стала необходимым элементом жизни и досуга. Такие индивиды (которых более чем достаточно в любом обществе и во все времена) не видели ни смысла, ни радости в чтении, и никакие снижения цен не вызывали у них интереса к книгам. Они заполняли досуг не чтением, а более ценными для них развлечениями, среди которых на первом месте было употребление алкоголя. И свободные средства они тратили не на книги, а на водку. Как подметил селькор из села Лосево Армавирского округа Северо-Кавказского края, «водка в кооперативе быстро расходуется, а книжки лежат месяцами на полках» [32]. С сожалением приходится констатировать, что подобное отношение к чтению демонстрирует и сегодня множество наших соотечественников.

Все же, несмотря на вышеобозначенную негативную тенденцию, в советской деревне, по сравнению с дореволюционными временами, наблюдалась устойчивая тяга к чтению. Это, конечно, не могло не радовать представителей советской власти и общественности. Проблема заключалась в том, что армия любителей чтения в деревне росла опережающими темпами по сравнению с пополнением фондов сельских читален.

Источники 1920-х гг. пестрят печальными утверждениями о крайней ограниченности книжного фонда в деревне. Так, в июне 1920 г. работники отдела народного образования Александровск-Грушевского уезда Донской области признавали, что «книг не хватает для обслуживания нужд населения» и отмечали «недостаток (крайнюю нужду) в литературе: 1) политической, 2) детской, 3) беллетристической» [33]. Конечно, в начале 1920-х гг. Советская Россия переживала далеко не лучшие времена, и на фоне всеобщего дефицита

нехватка книг не выглядела экстраординарным явлением. Однако и на протяжении последующих лет представители власти делали столь же унылые признания.

В конце 1924 г. члены Донского окружкома РКП(б) Юго-Восточного края отмечали, что, хотя города, села и станицы округа получили в текущем году десятки тысяч книг (как уже отмечалось выше, 63 200 экземпляров), литературы все же «далеко недостаточно для того, чтобы удовлетворить, хотя бы основные потребности трудящегося населения» [34]. Нередко фонды сельских библиотек были чрезвычайно малы. Так, к марту 1926 г. в двух из тринадцати районов Армавирского округа Северо-Кавказского края имелось 6 библиотек, совокупное количество книг в которых равнялось всего лишь 838 штук, или около 140 экземпляров на библиотеку [35]. Мизерные размеры этих книжных фондов заметны невооруженным глазом; но, они кажутся попросту смехотворными при сравнении со средней численностью населения в районах Армавирского округа, которая в том же 1926 г. приближалась к 60 тыс. человек! [36] В качественном отношении книжные фонды сельских читален также порождали пессимизм, поскольку ощущалась острая нехватка сельскохозяйственной литературы (наиболее востребованной крестьянством), а также «педагогической, популярной политической, а главным образом, детской» [37]. Участники Первого Всероссийского съезда работников изб-читален в марте 1927 г., оценивая как достоинства, так и недостатки снабжения деревни литературой, подводили своеобразный итог: «мало книг, нет книг, нет детской книги, нет беллетристики – это общий плач» [38].

В этой ситуации, одним из действенных средств стало создание передвижных читален (библиотек-передвижек). Например, к весне 1926 г. политпросвет Ставропольского округа укомплектовал 200 библиотечек-передвижек, с количеством 200 книг в каждой, и направил их в самые отдаленные хутора и поселки округа [39]. Подобные кочующие библиотеки, в каждой из которых насчитывалось, как минимум, несколько десятков экземпляров книг, брошюр, журналов, газет, позволяли маневрировать ограниченными фондами печатных изданий и охватывать довольно значительные контингенты читателей на селе.

Ограниченность книжного фонда в советской (в частности, южно-российской) деревне 1920-х гг., вкупе с невысокой грамотностью основной массы крестьянства, оказала самое существенное влияние на чтение как практику досуга. Мы имеем в виду тот факт, что в деревне эпохи нэпа чтение представляло собой, по большей мере, не индивидуальную, а публичную, общественную, форму проведения свободного времени.

Поскольку наиболее интересной крестьянам литературы и периодики в деревню поступало сравнительно немного, самые читабельные экземпляры превращались в общественное достояние и, что называется, оправлялись по рукам. По этому поводу заведующая Благодаринским уездным женотделом Ставропольской губернии в 1923 г. писала в редакцию журнала «Крестьянка» о том, что, когда свежий номер приходит в село, то «совсем не лежит в избе-читальне, а из хаты в хату переходит» [40] (популярность указанного литературного журнала, действительно, была высока в деревне [41]). А так как многие земледельцы, даже прошедшие курс ликбеза, читали с трудом, зачастую газеты или журналы оглашал для всех какой-нибудь местный грамотей. Как писала одна из селькоров, «во время передышек на поле, на сенокосе грамотные крестьяне могут читать неграмотным журнал «Крестьянка» [42]. Зачастую в роли чтеца выступали не сами крестьяне, а избачи или представители сельской интеллигенции, которые, одновременно с громким чтением, выполняли также функции популяризации литературы и просоветской агитации. Как видим, в рассматриваемое время чтение на селе представляло собой не частное досужее занятие, а общественный акт [43].

Остается добавить, что борьба с неграмотностью и постепенное укоренение чтения в быту деревни способствовали развитию крестьянского творчества, которое стало еще одним способом проведения свободного времени. В редакции газет и журналов из деревни поступало огромное количество произведений самодеятельных авторов, надеявшихся на то, что «знающие люди» их оценят и опубликуют. Множество такого рода творений были откровенно слабы [44]. Но, зачастую встречались и довольно любопытные очерки, рассказы, стихи. Вот, например, несколько интересных строк: «Мы – пахари, мы – великаны, // Земли родной богатыри, // Труда любимого титаны, // Полей родных цари» [45].

Практически сразу, впрочем, творческая активность крестьян приобрела характер активности общественной, когда умение освещать сельскую действительность

использовалось не для заполнения досуга, а для критики негативных сторон этой самой действительности в целях ее исправления и улучшения. На селе действовало множество добровольных крестьянских (сельских) корреспондентов, численность которых в 1925 г. составляла (вместе с рабочими корреспондентами) около 150 тыс. человек [46]. Кресткоры (селькоры) направляли в редакции периодических изданий свои критические заметки об окружающей действительности. В частности, к весне 1926 г. издававшаяся на Ставрополье крестьянская газета «Власть Советов» получала от селькоров до 200 корреспонденций в день [47]. Кроме того, выражением творческой активности и неравнодушной общественной позиции крестьян стали стенные газеты, которых только в Донском округе Северо-Кавказского края насчитывалось к началу 1927 г. 71 (в целом же, в округе выходило 486 стенгазет)[48] и в которых также содержалась острая критика тех или иных негативных явлений сельской повседневности [49].

Заключение. Исторический экскурс в повседневность южно-российского крестьянства 1920-х годов позволяет оценить итоги деятельности Советского государства по революционным изменениям культуры проведения досуга. Этот период привнес коренное преобразование – культуру чтения, которую можно охарактеризовать как книжную революцию. Бесспорно, социально-культурные преобразования имели краткосрочный характер, они затронули только начало формирования нового культурного мира с идеолого-пропагандистским уклоном. Материальный и людской ресурсы не позволяли до конца решить поставленные задачи по созданию нового советского уклада сельского социума. Но именно 1920-е годы стали тем базисом, на которые легли преобразования «Великого перелома» 1930-х годов.

Примечания:

1. Л.В. Среди книг // Молот. 1924. 5 сентября.
2. Подчеркивая факт поддержки значительной частью сельского населения проводимых советской властью мер по модернизации культуры и быта деревни, партийные работники на Юге России обоснованно констатировали «проявление интереса к хозяйственным и культурным мероприятиям» со стороны крестьянства (ЦДНИ РО, ф. 30, оп. 1, д.4в, л. 5) и уверенно заявляли, что на селе «растет тяга к культуре, стремление к изжитию традиционных пережитков старины» (Отчет Донского окружного комитета Российской Коммунистической Партии (большевиков). С мая по октябрь 1924 года. Ростов н/Д., 1924. С. 35).
3. Пути созидания. Очерки о социально-экономическом развитии Дона и Северного Кавказа / Науч. ред. Ф.И. Поташев. Ростов н/Д., 1975. С. 152.
4. Ленин В.И. Рабочим, мастеровым, служащим и комячейке станции Пролетарская Владикавказской железной дороги. 20 января 1921 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 52. М., 1975. С. 50–51.
5. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР. 1921–1937 гг. Кн. 1 (1921–1929 гг.). М., 1970. С. 230.
6. РГАСПИ, ф. 65, оп. 1, д. 24, л. 570б.
7. ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 8, л. 17.
8. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. С. 232.
9. Там же. С. 93.
10. Ставропольский край. Справочник / Под общ. ред. В.Г. Гниловского. Ставрополь, 1961. С. 216.
11. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. С. 381.
12. Так, на проходившем 25–30 января 1926 г. совещании секретарей сельских ячеек ВКП(б) Донского округа Северо-Кавказского края один из присутствовавших рассказывал: «В 1924 г. была сделана подписка на газеты. Приехал представитель «Молота», заключили договор на доставку газет в хутора. Собрали с граждан денежки, а редакции не отослали». В итоге, газеты в хутора не поступили. Зато через некоторое время там снова появился представитель газеты «Молот» и, справедливо ссылаясь на заключенный договор, объявил крестьянам, что за ними числится задолженность сумме 95 рублей. Попытки вернуть таинственно пропавшую сумму ни к чему не привели, и вся эта история отбила у селян охоту

выписывать периодику: «и когда я выступил и говорю «подписывайтесь граждане на газету». Ничего подобного, нет[,] дураков не найдешь» (ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 72, л. 123).

13. ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 47, л. 2а.

14. Лицо донской деревни. С. 23.

15. ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 17, л. 48об.

16. Рабкор М. Кулаки «размычку» делают // Молот. 1924. 4 сентября.

17. Улучшение доставки газет в деревню // Молот. 1924. 4 октября.

18. Современники утверждали, что газеты и корреспонденция нередко доходили в деревню с опозданием в неделю и более. Так, селькор ст. Аксайской Донского округа Северо-Кавказского края Щеколдин жаловался: «большое горе для нас – несвоевременная доставка газет. Мы живем недалеко от города, а все же были случаи, когда последний номер газеты приходил через месяц со дня выхода» (Работа и состояние рабселькорских организаций на местах // Молот. 1926. 4 марта). О том же писал корреспондент газеты «Молот» И. Васильев: «Большой помехой в работе является запаздывание газет. Все руководители [школ политграмоты] жалуются на это. Так, в хуторе Висловском [Семикаракорского района] газеты запаздывают на 15 дней» (Васильев И. Политучеба в донской деревне // Молот. 1926. 5 марта).

19. Крестьяне постоянно говорили о необходимости увеличения численности сельских почтальонов-письмоносцев, видя в этом наилучшее средство ускорить доступ почтовых отправок в деревню: «надо бы кольцевой почте иметь еще сеть письмоносцев. И правильно, тогда ведь была бы более быстрая и аккуратная доставка – а это увеличило бы число подписчиков» (По советским деревням // Новая деревня. 1927. № 14. С. 38); «кольцевая почта не всюду хорошо обслуживала деревню, и теперь ей на смену идет сельский письмоносец. Сельским письмоносцем может быть каждый честный деревенский парень, хорошо грамотный. На его обязанности должна лежать доставка в каждую деревню, в каждый двор писем, газет, переводов на деньги и не тяжелых посылок» (Сакович Е. Почту в деревню надо хорошо наладить // Новая деревня. 1926. № 5. С. 51).

20. Календарь коммуниста на 1928 год. С. 234.

21. Мамаев Б. Что важно знать крестьянину при выборе книги // Новая деревня. 1927. № 23. С. 57.

22. Календарь коммуниста на 1928 год. С. 234.

23. Отзывы крестьян о книгах // Новая деревня. 1926. № 17. С. 59; № 18. С. 51; 1927. № 17. С. 59.

24. Мамаев Б. Что важно знать крестьянину при выборе книги // Новая деревня. 1927. № 23. С. 57.

25. Там же. С. 57.

26. Там же. С. 58.

27. Мосин И. Смычка с деревней // Молот. 1924. 18 сентября.

28. ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 17, л. 48об–49.

29. Сверчков И. Библиотекарь, избач и продажа книг в деревне // Коммунистическое просвещение. 1927. № 1. С. 167.

30. Резолюция XIII съезда РКП(б) «О культурной работе в деревне» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898 – 1953. Изд. 7-е. В 2-х ч. Ч. I. 1898–1925. М., 1953. С. 863.

31. Красная нива. 1925. № 40. С. 959.

32. Зоркий глаз. Заброшенная культработа // Крестьянская газета. 1928. 30 ноября.

33. Докладная записка Александровск-Грушевского отдела народного образования о проведенных мерах по ликвидации неграмотности. 25 июня 1920 г. // Наш край. Из истории советского Дона. С. 129.

34. ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 17, л. 48об–49.

35. Георгиади Я. Просвещенцы в станице (По материалам обследования) // Молот. 1926. 18 марта.

36. Рассчитано по: Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. С. 3.

37. РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 576, л. 37; ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 17, л. 48об–49.

38. Ширямов А. Первый Всероссийский съезд заведующих избами-читальнями // Коммунистическое просвещение. 1927. № 2. С. 11.
39. Книгу - деревне // Молот. 1926. 27 марта.
40. За год работы // Крестьянка. 1923. № 10. С. 5.
41. Подчеркивая популярность «Крестьянки» среди сельских жителей, волорганизатор (лицо, осуществлявшее общественную работу на селе) Воронцовской волости на Дону осенью 1923 г. писал в редакцию: «нужно отметить громадный успех журнала. И не только среди крестьянок, но и среди мужчин» (За год работы // Крестьянка. 1923. № 10. С. 4).
42. Галина. О летней работе среди крестьянок // Крестьянка. 1923. № 9. С. 20.
43. Сельским учителям вменялось в обязанности, совместно с избачом, вести общественную работу и, в том числе, проводить читки книг, газет, журналов в избах-читальнях; «там, где нет избы-читальни в хуторах – учитель вместе с уполномоченным хутора находит место, где собираются граждане в долгие осенние и зимние вечера, там должны быть: газета, книжка и громкое чтение» (Фр. Г. Учитель в деревне // Молот. 1924. 17 февраля). Громкое чтение должно было также вызвать у земледельцев интерес, как к читаемой книге, так и к литературе вообще, чем достигалась реализация поставленной перед работниками деревенских просветительных учреждений задачи «продвинуть книгу в деревенскую массу, приблизить ее к крестьянству» (Сверчков И. Библиотекарь, избач и продажа книг в деревне // Коммунистическое просвещение. 1927. № 1. С. 167).
44. Например, редакция журнала «Новая деревня» следующим образом расценила розу крестьянина К. Быкову из села Шептуховка Донской области Юго-Восточного края: «получили ваш рассказ –[«]Воспоминания[»]. За время гражданской войны много было таких случаев. И потому, что рассказ очень – обыкновенный – он вышел скучным и печатать его не стоит» («Новая деревня» отвечает // Новая деревня. 1924. № 9. С. 48).
45. Левин В. Стихотворение // Новая деревня. 1924. № 4. С. 23.
46. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. С. 381.
47. Отовсюду // Молот. 1926. 27 марта.
48. Материалы к отчету Донского окружного комитета В.К.П. (больш.) на XII окружной партконференции (ноябрь 1925 – январь 1927 г.). Ростов н/Д., 1927. С. 101.
49. Очевидец так описывал реакцию жителей станицы Бессергеновской (ныне Октябрьской район Ростовской области) на выход стенной газеты «Пробуждение» в сентябре 1924 г.: «очень заинтересовала газета хлеборобов слободы, днем и вечером стояли толпы народа над газетой и со вниманием читали ее. После чтения раздавались веселые улыбки: «Вот так безбожник, попа протянул, а правду он пишет, что стыдно святым лодырям раскрывать пасть на труды хлебороба», «а вот еще про кулака Таменцева»... Бессергеновская пробуждается от.

References:

1. L.V. Sredi knig // Molot. 1924. 5 sentyabrya.
2. Podcherkivaya fakt podderzhki znachitel'noi chast'yu sel'skogo naseleniya provodimykh sovetskoj vlast'yu mer po modernizatsii kul'tury i byta derevni, partiinye rabotniki na Yuge Rossii obosnovanno konstatirovali «proyavlenie interesa k khozyaistvennym i kul'turnym meropriyatiyam» so storony krest'yanstva (TsDNI RO, f. 30, op. 1, d.4v, l. 5) i uverenno zayavlyali, chto na sele «rastet tyaga k kul'ture, stremlenie k izzhitiyu traditsionnykh perezhitkov stariny» (Otchet Donskogo okruzhnogo komiteta Rossijskoj Kommunisticheskoj Partii (bol'shevikov). S maya po oktyabr' 1924 goda. – Rostov n/D., 1924. S. 35).
3. Puti sozidaniya. Ocherki o sotsial'no-ekonomicheskom razvitii Dona i Severnogo Kavkaza / Nauch. red. F.I. Potashev. – Rostov n/D., 1975. S. 152.
4. Lenin V.I. Rabochim, masterovym, sluzhashchim i komyacheike stantsii Proletarskaya Vladikavkazskoi zheleznoi dorogi. 20 yanvarya 1921 g. // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 52. M., 1975. S. 50–51.
5. Istoriya Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Soyuza. T. 4. Kommunisticheskaya partiya v bor'be za postroenie sotsializma v SSSR. 1921 – 1937 gg. Kn. 1 (1921 – 1929 gg.). – M., 1970. S. 230.
6. RGASPI, f. 65, op. 1, d. 24, l. 57ob.
7. GANI SK, f. 5938, op. 1, d. 8, l. 17.

8. Istoriya Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza. T. 4. S. 232.
9. Tam zhe. S. 93.
10. Stavropol'skii krai. Spravochnik / Pod obshch. red. V.G. Gnilovskogo. Stavropol', 1961. S. 216.
11. Istoriya Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza. T. 4. S. 381.
12. Tak, na prokhodivshem 25–30 yanvarya 1926 g. soveshchani sekreterei sel'skikh yacheek VKP(b) Donskogo okruga Severo-Kavkazskogo kraya odin iz prisutstvovavshikh rasskazyval: «V 1924 g. byla sdelana podpisaka na gazety. Priekhal predstavitel' «Molota», zaklyuchili dogovor na dostavku gazet v khutora. Sobrali s grazhdan denezhki, a redaktsii ne otoslali». V itoge, gazety v khutora ne postupili. Zato cherez nekotoree vremya tam snova poyavilsya predstavitel' gazety «Molot» i, spravedlivo ssylayas' na zaklyuchennyi dogovor, ob'yavil krest'yanam, chto za nimi chislitsya zadolzhennost' summe 95 rublei. Popytki vernut' tainstvenno propavshuyu summu ni k chemu ne priveli, i vsya eta istoriya otbila u selyan okhotu vypisyvat' periodiku: «i kogda ya vystupil i govoryu «podpisyvaites' grazhdane na gazetu». Nichego podobnogo, net, durakov ne naidesh'» (TsDNI RO, f. 5, op. 1, d. 72, l. 123).
13. TsDNI RO, f. 75, op. 1, d. 47, l. 2a.
14. Litso donskoi derevni. S. 23.
15. TsDNI RO, f. 5, op. 1, d. 17, l. 48ob.
16. Rabkor M. Kulaki «razmychku» delayut // Molot. 1924. 4 sentyabrya.
17. Uluchshenie dostavki gazet v derevnyu // Molot. 1924. 4 oktyabrya.
18. Sovremenniki utverzhdali, chto gazety i korrespondentsiya neredko dokhodili v derevnyu s opozdaniem v nedelyu i bolee. Tak, sel'kor st. Aksaiskoi Donskogo okruga Severo-Kavkazskogo kraya Shchekoldin zhalovalsya: «bol'shoe gore dlya nas – nesvoevremennaya dostavka gazet. My zhivem nedaleko ot goroda, a vse zhe byli sluchai, kogda poslednii nomer gazety prikhodil cherez mesyats so dnya vykhoda» (Rabota i sostoyanie rabsel'korovskikh organizatsii na mestakh // Molot. 1926. 4 marta). O tom zhe pisal korrespondent gazety «Molot» I. Vasil'ev: «Bol'shoi pomekhai v rabote yavlyaetsya zapazdyvanie gazet. Vse rukovoditeli shkol politgramoty zhaluyutsya na eto. Tak, v khutore Vislovskom Semikarakorskogo raiona gazety zapazdyvayut na 15 dnei» (Vasil'ev I. Politucheba v donskoi derevne // Molot. 1926. 5 marta).
19. Krest'yane postoyanno govorili o neobkhodimosti uvelicheniya chislennosti sel'skikh pochtal'onov-pis'monostsev, vidya v etom nailuchshee sredstvo uskorit' dostup pochtovykh otpravlenii v derevnyu: «nado by kol'tsevoi pochte imet' eshche set' pis'monostsev. I pravil'no, togda ved' byla by bolee bystraya i akkuratnaya dostavka – a eto uvelichilo by chislo podpischikov» (Po sovetskim derevnyam // Novaya derevnya. 1927. № 14. S. 38); «kol'tsevaya pochta ne vsyudu khorosho obsluzhivala derevnyu, i teper' ei na smenu idet sel'skii pis'monosets. Sel'skim pis'monostsem mozhet byt' kazhdyi chestnyi derevenskii paren', khorosho gramotnyi. Na ego obyazannosti dolzhna lezhat' dostavka v kazhduyu derevnyu, v kazhdyi dvor pisem, gazet, perevodov na den'gi i ne tyazhelykh posylok» (Sakovich E. Pochtu v derevnyu nado khorosho naladit' // Novaya derevnya. 1926. № 5. S. 51).
20. Kalendar' kommunista na 1928 god. S. 234.
21. Mamaev B. Chto vazhno znat' krest'yaninu pri vybore knigi // Novaya derevnya. 1927. № 23. S. 57.
22. Kalendar' kommunista na 1928 god. S. 234.
23. Otzyvy krest'yan o knigakh // Novaya derevnya. 1926. № 17. S. 59; № 18. S. 51; 1927. № 17. S. 59.
24. Mamaev B. Chto vazhno znat' krest'yaninu pri vybore knigi // Novaya derevnya. 1927. № 23. S. 57.
25. Tam zhe. S. 57.
26. Tam zhe. S. 58.
27. Mosin I. Smychka s derevnei // Molot. 1924. 18 sentyabrya.
28. TsDNI RO, f. 5, op. 1, d. 17, l. 48ob–49.
29. Sverchkov I. Bibliotekar', izbach i prodazha knig v derevne // Kommunisticheskoe prosveshchenie. 1927. № 1. S. 167.
30. Rezolyutsiya XIII s"ezda RKP(b) «O kul'turnoi rabote v derevne» // KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK. 1898 – 1953. Izd. 7-e. V 2-kh ch. Ch. I. 1898–1925. M., 1953. S. 863.

31. Krasnaya niva. 1925. № 40. S. 959.
32. Zorkii glaz. Zabroshennaya kul'trabota // Krest'yanskaya gazeta. 1928. 30 noyabrya.
33. Dokladnaya zapiska Aleksandrovska-Grushevskogo otdela narodnogo obrazovaniya o provedennykh merakh po likvidatsii negramotnosti. 25 iyunya 1920 g. // Nash krai. Iz istorii sovetskogo Dona. S. 129.
34. TsDNI RO, f. 5, op. 1, d. 17, l. 48ob–49.
35. Georgiadi Ya. Prosveshchentsy v stanitse (Po materialam obsledovaniya) // Molot. 1926. 18 marta.
36. Rasschitano po: Kazachestvo Severo-Kavkazskogo kraya. Itogi perepisi naseleniya 1926 g. S. 3.
37. RGAE, f. 396, op. 3, d. 576, l. 37; TsDNI RO, f. 5, op. 1, d. 17, l. 48ob–49.
38. Shiryamov A. Pervyi Vserossiiskii s'ezd zaveduyushchikh izbami-chital'nyami // Kommunisticheskoe prosveshchenie. 1927. № 2. S. 11.
39. Knigu - derevne // Molot. 1926. 27 marta.
40. Za god raboty // Krest'yanka. 1923. № 10. S. 5.
41. Podcherkivaya populyarnost' «Krest'yanki» sredi sel'skikh zhitelei, volorganizator (litso, osushchestvlyavshee obshchestvennyuyu rabotu na sele) Vorontsovskoi volosti na Donu osen'yu 1923 g. pisal v redaktsiyu: «nuzhno otmetit' gromadnyi uspekhn zhurnal. I ne tol'ko sredi krest'yanok, no i sredi muzhchin» (Za god raboty // Krest'yanka. 1923. № 10. S. 4).
42. Galina. O letnei rabote sredi krest'yanok // Krest'yanka. 1923. № 9. S. 20.
43. Sel'skim uchitelyam vmenyalos' v obyazannosti, sovместno s izbachom, vesti obshchestvennyuyu rabotu i, v tom chisle, provodit' chitki knig, gazet, zhurnalov v izbakh-chital'nyakh; «tam, gde net izby-chital'ni v khutorakh – uchitel' vmeste s upolnomochennym khutora nakhodit mesto, gde sobirayutsya grazhdane v dolgie osennie i zimnie vechera, tam dolzhny byt': gazeta, knizhka i gromkoe chtenie» (Fr. G. Uchitel' v derevne // Molot. 1924. 17 fevralya). Gromkoe chtenie dolzhno bylo takzhe vyzvat' u zemledel'tsev interes, kak k chitaemoi knige, tak i k literature voobshche, chem dostigalas' realizatsiya postavlennoi pered rabotnikami derevenskikh prosvetitel'nykh uchrezhdenii zadachi «prodvinut' knigu v derevenskuyu massu, priblizit' ee k krest'yanstvu» (Sverchkov I. Bibliotekar', izbakh i prodazha knig v derevne // Kommunisticheskoe prosveshchenie. 1927. № 1. S. 167).
44. Naprimer, redaktsiya zhurnalov «Novaya derevnya» sleduyushchim obrazom rastsenila rozu krest'yanina K. Bykovu iz sela Sheptukhovka Donskoi oblasti Yugo-Vostochnogo kraya: «poluchili vash rasskaz –«Vospominaniya». Za vremya grazhdanskoi voyny mnogo bylo takikh sluchaev. I potomu, chto rasskaz ochen' – obyknovennyi – on vyshel skuchnym i pechatat' ego ne stoit» («Novaya derevnya» otvechaet // Novaya derevnya. 1924. № 9. S. 48).
45. Levin V. Stikhotvorenie // Novaya derevnya. 1924. № 4. S. 23.
46. Istoriya Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza. T. 4. S. 381.
47. Otovsyudu // Molot. 1926. 27 marta.
48. Materialy k otchetu Donskogo okruzhnogo komiteta V.K.P. (bol'sh.) na XII okruzhnoi partkonferentsii (noyabr' 1925 – yanvar' 1927 g.). Rostov n/D., 1927. S. 101.
49. Ochevidets tak opisyval reaktsiyu zhitelei stanitsy Bessergenevskoi (nyne Oktyabr'skoi raion Rostovskoi oblasti) na vykhod stennoi gazety «Probuzhdenie» v sentyabre 1924 g.: «ochen' zainteresovala gazeta khleborobov slobody, dnem i vecherom stoyali tolpy naroda nad gazetoi i so vnimaniiem chitali ee. Posle chteniya razdavalis' veselye ulybki: «Vot tak bezbozhnik, popa protyanul, a pravdu on pishet, chto stydno svyatym lodyryam raskryvat' past' na trudy khleboroba», «a vot eshche pro kulaka Tamentseva»... Bessergenevskaya probuzhdaetsya ot.

УДК 94-47

**Культура чтения в повседневности
южно-российского крестьянства в 1920-х гг.**

Сусанна Джамиловна Багдасарян

Сочинский государственный университет, Российская Федерация
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: BSD73@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются аспекты государственной советской политики по формированию новой крестьянской повседневной культуры на основе развития книжной культуры в условиях борьбы с неграмотностью сельского населения юга России. Анализируются средства и способы проведения мероприятий культурной революции в сельском социуме, итоги проведенной государственной политики в концепции построения нового советского общества.

Ключевые слова: советская культура; культурная революция; ликвидация безграмотности (ликбез); повседневность; досуг; книжная революция.